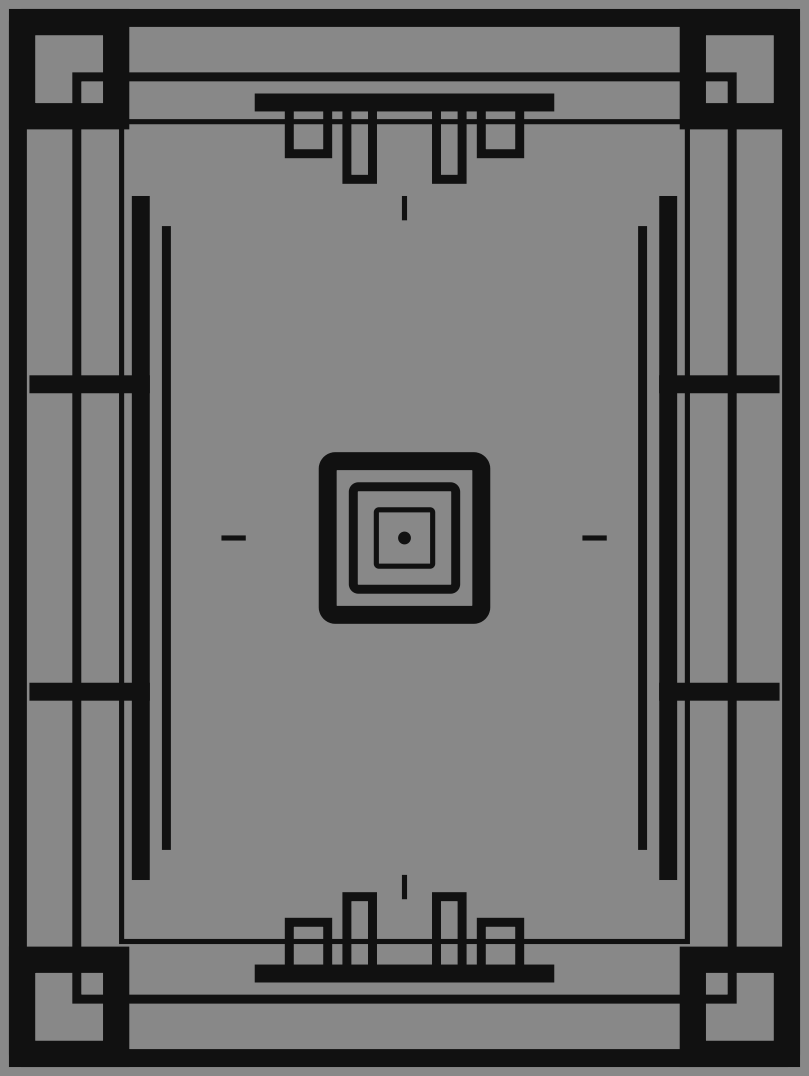

Свет Мошки

Ларри Нивен, Джерри Пурнель

Ларри Нивен, Джерри Пурнель. Свет Мошки

Ларри Нивен, Джерри Пурнель
Свет Мошки

Прошлой ночью в это же время он вышел посмотреть на звезды. Но в дверях его встретил яростный белый свет, словно взорвалось солнце. Когда он снова обрел способность видеть, на границе темной полусферы, накрывшей университет, в кукурузном поле поднимался огненный гриб. Потом пришел звук, раскатистый грохот, пронесшийся по полям и сотрясший дома.

Перепуганная Элис, боясь, что сбылись ее худшие опасения, выбежала из дома, крича:

— Неужели твоя наука стоит того, чтобы нас всех тут убили?

В ответ он промолчал, потому что вопрос был обычным для жены астронома и потому что в тот вечер его наука никуда не продвинулась. Система управления главным телескопом была повреждена - непоправимо, поскольку сам телескоп размещался на маленькой луне Новой Шотландии. В последнее время по ночам межпланетное пространство озарял необычайный свет незатихающих войн, атмосфера светилась от ионизации, радиоактивных лучей, ударных волн, термоядерных взрывов… Он молча ушел в дом.

И вот сегодня, опять-таки поздним вечером 27-часового новошотландского дня, Таддеус Поттер, доктор наук, вышел на ночной воздух

прогуляться.

Ночь отлично подходила для наблюдений. Межпланетные войны превратили небеса в ад, и рассмотреть что бы то ни было не представлялось возможным; но этим вечером Новая Ирландия не бомбила. Имперский Военный Флот одержал победу.

Поттер пропустил новости мимо ушей, однако последствия победы его интересовали. Может статься, сегодня вечером война не помешает его работе. Он сделал тридцать шагов вперед и повернул там, где крыша его дома уже не закрывала Угольный Мешок. Это зрелище никогда ему не надоедало.

Угольный Мешок был межзвездным скоплением газа и пыли, небольшим, по меркам таких образований, - восемь-десять парсеков протяженностью, - но довольно плотным, и располагался достаточно близко к Новой Каледонии, чтобы закрывать собой четверть неба. Где-то по другую сторону Мешка находились Земля и столица Империи, Спарта, обе безнадежно невидимые. Угольный Мешок заслонял большую часть Империи, но служил отличным бархатным фоном для пары близких и ярких, как бриллианты, звезд. Одна из которых весьма существенно преобра-

зилась.

Лицо Поттера тоже преобразилось. Глаза полезли из орбит. Тяжелая челюсть отвисла до предела. Он дурак дураком уставился в небо, словно видел его в первый раз. Потом, внезапно повернувшись, бросился в дом.

Когда Элис вошла в спальню, он звонил Эдвардсу.

— Что случилось? - воскликнула жена. - Они пробили защиту?

— Нет, - бросил Поттер через плечо. И неохотно добавил: - Что-то случилось с Мошкой.

— О Господи!

Элис разозлилась не на шутку, Поттер не мог этого не видеть.

— Цивилизация рушится прямо нам на голову, а он носится со своими звездами!

Элис не любила звезды.

Эдвардс ответил. Он появился на экране голый по пояс, взъерошенные кудри напоминали разоренное птичье гнездо.

— Какого черта… Тэд. Я мог бы догадаться. Тэд, ты хоть знаешь, который час?

— Знаю. Выйди на улицу, - приказным тоном сказал Поттер. - Погляди на Мошку.

— На Мошку? На Мошку?

— Да. Она стала сверхновой! - заорал Поттер.

Эдвардс застонал, потом вдруг сообразил. Не дав отбоя, он бросился прочь от экрана. Поттер протянул руку и нажатием кнопки сделал окно спальни прозрачным. Мошка была на месте.

Даже без такого превосходного фона, как Угольный Мешок, Глаз Мурчисона был бы самым ярким объектом на небосклоне. Поднявшись над горизонтом, Угольный Мешок напоминал силуэт человека в капюшоне: голова и плечи; смещенный от центра красный сверхгигант казался внимательным и злобным глазом. Университет вырос из обсерватории, основанной для изучения этого сверхгиганта.

В глазу была мошка - маленький желтый сосед-карлик, крошечный и тусклый, малоинтересный. Во Вселенной полно желтых карликов.

Но нынче ночью Мошка превратилась в ярчайшую зелено-голубую точку. Ее яркость почти сравнялась с яркостью Глаза Мурчисона, и она горела чистым сильным светом. Глаз Мурчисона был белым с явственным красным оттенком, а вот Мошка теперь стала сине-зеленой - бескомпромиссно, просто невероятно зеленой.

Эдвардс вернулся к телефону.

— Тэд, это не сверхновая. Ничего подобного

никогда не бывало. Тэд, нам нужно добраться до обсерватории!

— Знаю. Жду тебя там.

— Я хочу поработать со спектроскопом.

— Отлично.

— Господи! Надеюсь, это не завершится слишком быстро! Думаешь, нам удастся сегодня прорваться?

— Если перестанешь болтать, мы скоро это узнаем.

— Что? Ах да.

Эдвардс дал отбой.

Бомбардировка началась, когда Поттер садился на мотоцикл. В небе появились огненные полосы, словно следы очень больших падающих звезд; но эти полоски не гасли, а тянулись до самого горизонта. В стратосфере образовывались и исчезали облака, очерчивая ударную волну. У горизонта долго висело свечение, потом постепенно померкло.

— Черт, - шепотом, но с чувством выругался Поттер.

Он завел мотор. Война почти не коснулась профессора - вот только у него не стало новоирландских студентов. Он даже скучал по некоторым из них. Например, по тому парню из

Кохана, который…

Целая пригоршня звезд упала, словно взрывающиеся огни салюта. Над головой горело нечто похожее на новую звезду. Падающие звезды мигнули и погасли, но новые и новые огни продолжали вспыхивать, быстро меняя цвет, уже после того, как пропали облака, отмечавшие фронты ударных волн. Ночь прояснилась, и Поттер увидел, что стало с луной.

Что Новая Ирландия могла обстреливать на новошотландской луне?

Поттер мигом это понял.

— Сволочи! - выкрикнул он в небо. - Сволочи и жалкие предатели!

Последнее пятно света рдело, угасая.

С ревом огибая угол Эдвардсова дома, Поттер кричал:

— Предатели разбомбили главный телескоп! Ты видишь? Весь наш труд!..

Он забыл о телескопе на заднем дворе Эдвардса.

Это был хороший телескоп, и он влетел Эдвардсу в копеечку, хотя весил всего четыре килограмма. Телескоп был портативный. «В особенности, - любил добавить Эдвардс, - если сравнивать с главным телескопом».

Купить телескоп Эдвардсу пришлось после того, как у него треснуло четвертое самодельное зеркало и его жена, ныне покойная, выступила с ультиматумом: ей-де надоело вычищать из ковра «Новая жизнь» полировочный порошок «Карбо-200».

Сейчас Эдвардс повернул голову от окуляров со словами:

— Смотреть там особенно не на что.

И не обманул. Ничего примечательного. Глазам Поттера предстал чистый аквамариновый круг.

— А вот это стоит увидеть, - продолжил Эдвардс. - Ну-ка подвинься…

Он поместил перед окуляром листок чистой бумаги, а потом пустил луч через прозрачную призму.

Призма разложила луч и бросила на бумагу веер радуги. Но радуга была едва видной, блеклой и исчезала в единой полоске аквамарина; зато эта последняя сияла вовсю.

— Одна линия, - хмыкнул Поттер. - Монохромный свет?

— Я говорил тебе, что это не сверхновая.

— Сам вижу. Тогда что это? Луч лазера? Но такое может быть только искусственным. Господи! Что за необычная технология!

— Ох, прекрати, - прервал Эдвардс его монолог. - Я сомневаюсь в искусственном происхождении. Свечение слишком сильное.

Голос у него был довольный.

— Мы наткнулись на нечто новое. Мошка каким-то образом начала испускать когерентный свет.

— Это невозможно…

Эдвардс разозлился. К тому же это был его телескоп.

— Тогда что это, по-твоему? Какие-то типы просят о помощи? Но если у них в руках такая мощь, почему они не отправили корабль? Он прилетел бы на тридцать пять лет раньше!

— Да ведь из Новой Каледонии к Мошке нет трековой линии! Даже теоретически такой возможности нет. Единственная линия к Мошке начинается внутри Глаза. Забыл, что Мурчисон специально искал другую трековую линию, но так и не нашел? Мошка в полной изоляции.

— А тогда откуда там взялась колония? - с торжеством спросил Эдвардс. - Рассуждай логически, Тэд. У нас тут природный феномен, нечто новое в звездных процессах.

— Но вдруг это чей-то призыв?

— Будем надеяться, что нет. Все равно мы не

сможем им помочь, даже если бы трековая линия нам была известна! В системе Новой Каледонии нет межзвездных кораблей, и вряд ли они появятся до тех пор, пока не кончится война.

Эдвардс поглядел на небо. Луна была маленьким неровным полудиском; на темной половине ало дотлевал кратер. В вышине пламенела яркая фиолетовая полоска. Фиолетовое свечение стало раскаленным, засияло белизной, затем исчезло. Где-то в космосе погиб военный корабль.

— Да ладно, - проговорил Эдвардс. - Если кто-то зовет нас оттуда, он готов ждать до опупения. Если хочешь, можем поискать модуляции в луче. Если луч не модулированный, ты наконец успокоишься? Да или нет?

— Успокоюсь, - пообещал Поттер.

В 2862 году по эту сторону Угольного Мешка не было межзвездных кораблей. На другой стороне, в окрестностях Круциса и Столицы, по трековым линиям между звездами к управляемым Спартой мирам курсировал небольшой флот. С каждым годом лояльных кораблей и миров убавлялось. Лето 2862-го для Новой Шотландии выдалось печальным. День ото дня все меньше народу выбиралось за темный купол, защищающий город; к ночи жители неизменно возвращались.

Лишь считанные единицы наблюдали восход Угольного Мешка.

Восход Человека в Капюшоне был загадочным и зловещим; силуэт, чрезвычайно напоминающий человека, прикрывшего голову капюшоном, отмечала единственная яркая искра двуцветного глаза. Сейчас Мошка горела так же ярко, как Глаз Мурчисона. Но кто сегодня станет слушать Эдвардса и Поттера и их бредовые рассказы о Мошке? Ночное небо стало полем боя, смотреть на него было попросту опасно.

Война шла уже не за Империю. В системе Новой Каледонии война продолжалась потому, что никак не могла остановиться. Понятия «лоялист» и «повстанец» утратили смысл, но это мало кого волновало, покуда с неба продолжали падать бомбы и подбитые корабли. Астрономический факультет университета по-прежнему возглавлял Генри Моррисси. Он пытался уговорить Поттера и Эдвардса вернуться под защиту Поля Лэнгстона. Однако декан преуспел единственно в том, что Поттер согласился отправить туда жену и двух сыновей. У Эдвардса родственников не было. В итоге двинуться отсюда отказались оба. Моррисси согласился с ними - с Мошкой что-то происходит, - но не верил, что причину можно

определить человеческим глазом.

Поттер славился своим маниакальным энтузиазмом. Факультет предоставил им с Эдвардсом оборудование. В основном это были временные, импровизированные приспособления, тем не менее позволяющие получить кое-какие данные. Со стороны Мошки бил лазерный луч невероятной мощности. Создание источника такой энергии представляло собой чудовищно сложную задачу, и пойти на это могли с единственной целью: передать сообщение.

Но самого сообщения почему-то не было. Луч не был модулированным. Луч не менял цвет, не мигал, не менял интенсивности - ничего. Это был чудесный, ровный, невероятно мощный луч когерентного света.

Поттер надеялся, что свечение расширится до какого-то контура, и часами смотрел в телескоп. Эдвардс ничем не мог ему помочь. Его настроение менялось от злорадного, хоть и вежливого, торжества (удалось доказать свою точку зрения!) до проклятий, которые он бормотал, пытаясь исследовать новый «звездный процесс» при помощи непригодного для этой цели оборудования. Сходились астрономы в одном: опубликовать их исследования необходимо, но невозможно.

Однажды ночью ракета взорвалась у самой границы черного купола. Поле Лэнгстона, защищавшее университет, вобрало всю обрушившуюся на него энергию и уберегло город от испепеляющего огня, однако чтобы окончательно распределить адскую ярость по Полю и изгнать, требовалось время. Инженеры отчаянно старались отвести энергию от щита наружу, но генератор перегрелся и превратился в слиток металла.

Инженеры выполнили свою задачу, и все же избежать прорыва энергии не удалось: генератор отключился. Сработали реле, и Новая Каледония осталась беззащитной перед враждебными небесами. Пока Космофлот восстанавливал Поле, миллионное население города увидело восход Угольного Мешка.

— Я должен извиниться, - сказал на следующее утро Моррисси, заглянув к Поттеру. - С Мошкой творится что-то чертовски странное. У вас есть какие-нибудь результаты?

Декан выслушал Поттера и Эдвардса и остановил вспыхнувший ожесточенный спор. Теперь, с появлением слушателя, оба ученых готовы были вести жаркие споры. Моррисси пообещал прислать им дополнительное оборудование и попросил вернуться под защиту Поля, когда его

восстановят. В свое время он тоже был астрономом. Он знал, что им нужно.

Недели переросли в месяцы. Война продолжалась, истощая силы Новой Шотландии, приканчивая ее ресурсы. Поттер и Эдвардс продолжали работать, но ничего не достигли, лишь яростно спорили друг с другом, выкрикивая проклятия в адрес предателей из Новой Ирландии.

Лучше бы они оставались под прикрытием щита. Мошка сияла когерентным светом изумительной чистоты. Через четыре месяца после того, как Мошка зажглась, мощность луча вдруг скакнула и осталась на новом, более высоком уровне. Через пять месяцев мощность луча снова возросла. Еще через пять месяцев мощность луча увеличилась еще раз, но Поттер и Эдвардс этого уже не увидели. В ту ночь с неба упал новоирландский корабль; его щит фиолетово светился от трения. Почти над самой землей в щите произошла перегрузка, и он разрушился, высвободив накопленную энергию в едином яростном взрыве.

На равнины и поля за чертой города обрушилась лавина гамма-излучения и фотонов. Поттера и Эдвардса обеспокоенные студенты отвезли в больницу. Поттер умер через три дня. Эдвардс

остаток своих дней ходил с ранцем: переносной системой жизнеобеспечения.

В мирах, где часы еще шли, был год 2870, когда на Новой Шотландии случилось чудо. На планету упал переделанный когда-то из торгового межпланетный военный корабль с неповрежденным Полем Лэнгстона и полным боекомплектом торпед. Корабль был подбит в последней схватке, но и восстание на Новой Ирландии в ту пору уже закончилось. Вся система Новой Каледонии присягнула на верность Империи; но Империи же не существовало.

Университет убрал защитное поле. К тому времени многие успели забыть, что Мошка когда-то была маленькой желто-белой точкой.

Большинству было все равно. Вокруг лежал мир, который нужно было покорить; этот мир недавно прошел полное терраформирование, но не более того. Хрупкая привезенная биосфера была почти полностью уничтожена, и от населения планеты требовались все знания и умения, чтобы сохранить Новую Шотландию пригодной для обитания.

Население планеты одержало победу, поскольку иного выхода не оставалось. Вывозить уцелевших было не на чем. Война уничтожила

верфи, межзвездных кораблей не стало. Новые шотландцы были одни по эту сторону Угольного Мешка.

Годы шли, Мошка еще более разгоралась. Теперь она походила скорее на бриллиант, чем на звезду, но на Новой Шотландии перевелись астрономы, которым было бы до этого дело. В 2891 году Угольный Мешок казался темным профилем человека в капюшоне. У человека был один ужасный, яркий, сине-зеленый глаз, рядом с которым располагалось небольшое красное пятнышко.

В одну из ночей, когда в небе Новой Шотландии взошел Угольный Мешок, фермеру по имени Ховард Грот Литтлмид было откровение. Он вдруг понял, что Угольный Мешок есть Бог и что теперь его долг рассказать об этом всем и каждому.

Традиционно считалось, что с Новой Каледонии можно увидеть лик Господа; и у Литтлмида был зычный голос. Несмотря на протесты Имперской ортодоксальной церкви, несмотря на протесты вице-короля и мрачные лица университетских ученых, его вероучение распространилось на Новой Шотландии и постепенно вошло в силу. Эта церковь никогда не была многочисленной, но ее члены отличались фанатичной преданностью; у них было чудо, произошедшее с Мошкой, которое

не мог объяснить ни один ученый. В 2895 году к Церкви Его Имени принадлежали почти все фермеры Новой Шотландии, хотя в городах у нее было не много прихожан. К слову сказать, в полях трудилась половина населения. Кухни-конверторы давно сломались. В 2900 Новая Шотландия располагала двумя исправными космическими кораблями, один из которых мог совершать посадки на поверхность планеты. Все генераторы Поля Лэнгстона вышли из строя. Времена настали такие, что если устройство, использующее технологии Империи, ломалось, оно ломалось навсегда. Ремонт был никому не под силу. Новая Шотландия катилась к примитивной жизни.

Мошка становилась ярче еще сорок лет. Дети отказывались верить, что когда-то эту звезду называли Мошкой. Взрослые знали, что так было, но не помнили почему. Они называли двойную звезду Глазом Мурчисона, и считалось, что у красного гиганта нет собственного имени. Исторические записи могли бы внести ясность, но университетские архивы не давали достоверной информации: записи в хранилище библиотеки были повреждены мощными электромагнитными импульсами в годы осады. В том, что сохранилось, зияли большие пробелы.

В 2902 Мошка погасла.

За несколько часов ее зеленый свет почти полностью угас; но это могли бы заметить только наблюдатели на другой стороне планеты. Когда Угольный Мешок взошел в эту ночь над университетским городком, с неба на землю глядел слепец.

В течение следующего года ушли из жизни почти все последователи Церкви Его Имени. Пригоршня снотворных таблеток помогла Ховарду Гроту Литтлмиду поспешить на встречу с его Богом… возможно, чтобы потребовать у Него объяснений.

Астрономия тоже умерла. Осталось совсем мало астрономов и еще меньше астрономических инструментов; объяснить исчезновение Мошки никто не сумел. Когда, спустя годы, телескопы обратились к сиявшей прежде Мошке, там был лишь желтый карлик, в котором не было ничего примечательного.

Люди перестали думать о звездах. Им нужно было спасать свой мир. Мошку же, желтый карлик типа G-2, крохотную точку возле Глаза Мурчисона, отделяло от них тридцать пять световых лет. Так продолжалось почти столетие. За это время вокруг Спарты выросла - и вновь

явилась на Новую Каледонию - Вторая Империя. Астрономы прочли давнишние, неполные научные записи и возобновили изучение красного сверхгиганта под названием Глаз Мурчисона, но к тому времени мало кого интересовала Мошка. В течение следующих полутора веков эта звезда вела себя вполне обычно.

В тридцати пяти световых годах от Новой Каледонии обитатели Мошки-1 отправили в путешествие космический корабль со световым парусом, используя батареи лазерных пушек, достаточно мощные, чтобы затмить свет соседнего красного сверхгиганта.

Почему и зачем мошкиты сделали это и что у них при этом, Господи помилуй, творилось - мы расскажем дальше.